

Пролог

Июнь

Два часа ночи, а сигнала все нет.

Сидя в тесном кабинете, американец устало ждал серию отрывистых сигналов, знаменующую выход Лондона на связь.

Кондиционеры снова вышли из строя, и в здании стояла страшная жара — свариться можно было заживо. Все разошлись, и вот он, последний оставшийся на рабочем месте, сидел да крутил ручки передатчиков, чтобы хоть как-то скоротать время до сеанса связи. Придется, видимо, ночевать в конторе. Он и до дому-то добраться не успеет, как надо будет ехать обратно.

Он глотнул остывшего кофе и в который раз перечитал полученную днем сводку, отводившую его от делу всего два месяца.

Наконец минут через пятнадцать тишину прорезало характерное ритмичное попискивание — Лондон вышел на связь.

— Вы слушаете? — глухо и торопливо проговорил голос с британским акцентом.

— Наконец-то! Вы опоздали на два часа!

— Прошу прощения. Мне казалось, за мной следят. Пришлось выждать. Зато у меня есть новости. И хорошие. Грядет кое-что значительное.

— И что это за «кое-что»?

— Мой контакт утверждает, что у него есть информация, способная полностью изменить расстановку сил. А уж он-то знает, о чем говорит.

Американец вздохнул. Подобное он слышал уже раз десять. И всякий раз история заканчивалась пшиком. То в последнюю минуту проваливался контакт, то секретные документы оказывались завалывшейся на верхней полке макулатурой, мешаниной бессвязных данных нулевой значимости. «Высокопоставленный контакт», как правило, представлял собой чинушу среднего звена, столкнувшегося с кризисом среднего возраста и теперь прикидывавшего, не перебраться ли ему в соседний лагерь. Несмотря на разочарование, надо было приступать к протокольным вопросам.

— Сообщите подробности. От кого информация?

— Я очень хорошо знал его в прошлом. Он имеет доступ к интересующим нас сведениям, причем на самом высоком уровне. Он кое-что собрал для нас и теперь готов это передать.

— Он говорил, что хочет взамен?

— Ничего не хочет. Говорит, ему уже нечего терять и не о чем мечтать. Он жаждет искупления — это его собственные слова.

Американец на секунду задумался о своей семье. О душном домике, что они делят с двумя другими семьями, — тесновато, да, — и еще о простирающейся на многие километры измученной земле и увядающем урожае. Его дети сильно исхудали и стали бледнее по сравнению с прошлым годом. Да им повезло,

что они вообще живы, в отличие от многих других... Абсурдно и неблагодарно ожидать сейчас улучшения ситуации, но из-за таких звонков гораздо труднее противиться искушению надеждой.

— И что вы думаете об этом? — спросил он наконец.

Голос на другом конце линии прозвучал уверенно:

— Думаю, он говорит правду.

Американец покосился на лежащую на столе сводку. Какие-то жалкие шестьдесят дней, и мир изменится навсегда. Его начало знобить, несмотря на жару.

— Будем надеяться, что вы правы, — сказал он собеседнику. — Времени у нас немного.

1

Август

Корабль мертвецов — вот с чего все началось. Впоследствии она не раз вспоминала об этом.

Посудина выглядела так, будто дрейфовала несколько десятилетий. О прежнем назначении загадочного судна оставалось лишь догадываться: краска на корпусе почти вся сошла, а укрепленные на палубе металлические конструкции проржавели до неузнаваемости. Даже ракушки по ватерлинии высохли. На поручнях нелепыми стражами восседали две чайки с блестящими любопытством глазами, отродясь не выдавшие людей.

Они заметили корабль издалека.

Их небольшая, но шустрая лодка прыгала по волнам, и рокот ее подвесного мотора перекрывал любой шум в радиусе нескольких километров. На борту их было семеро. Все в ярко-оранжевых комбинезонах; на поясах болтались противогазы с огромными глазищами и несуразными хоботами.

Они пристали к кораблю-призраку, закинули веревочную лестницу и взобрались на палубу, из предосторожности оставив одного человека в лодке. Сослуживцы Хоппер были обуты в черные ботинки,

и только она одна щеголяла в потертых белых кроссовках. У каждого из ее спутников на плече висела винтовка. У нее — нет.

Состояние корабля — даже и не корабля, а скорее старого рыбацкого баркаса, решила она про себя — при ближайшем рассмотрении оказалось еще более плачевным. Под палящим солнцем доски настила совсем рассохлись, то здесь, то там отсутствовали фрагменты перил. Удивительно, что не отвалилась дверь рубки — мужественно болтаясь на петлях, она тихонько поскрипывала на ветру. И повсюду стоял душок тухлятины, особенно сильный над щелями возле люка посреди палубы, вероятно, закрывавшего вход в трюм.

Двое ее коллег-военных поднялись в рубку, еще двое осторожно двинулись вдоль бортов, проверяя поручни. А она с напарником направилась к люку. Крышка оказалась заперта на замок, но в конце концов им удалось взломать его, применив какую-то более-менее крепкую железяку в качестве рычага, после чего, натянув противогазы и достав фонарики, они полезли внутрь. По мере спуска Хоппер даже в противогазе ощущала усиление вони. Ее немедленно охватило знакомое состояние тревоги, стало трудно дышать.

Размерами трюм посуды не превышал грузовой контейнер. Здесь царил мрак, и, хотя сверху сквозь щели между рассохшимися досками просачивался кое-какой свет, они включили фонарики. В задней части трюма с низкого потолка свисало несколько крюков, на которых болтались спутанные сети.

А в передней обнаружилась груда пустых консервных банок, десятков матрасов и сваленные на них тридцать трупов, разложившихся практически

до неузнаваемости. Жуткую картину дополняли колышущиеся сообразно качке облака пыли, озаренные лучами света, просачивающегося сквозь щели палубы.

Напарник Хоппер, совершенно не заинтересовавшийся мертвецами, приступил к осмотру задней части трюма. А Элен, направив фонарь на трупы, усилием воли заставила себя приблизиться к ним. Затем, приподнимая лохмотья одежды, стала внимательно осматривать скелеты. Судя по форме тазовых костей, это были в основном мужчины, хотя нашлось и несколько женщин, а в углу по правому борту, чуть поодаль, лежали два маленьких тельца, пол которых определить было невозможно. Ощувив на горле знакомые до боли пальцы паники, Хоппер напомнила себе: «Сохраняй спокойствие. Просто прикинься спокойной».

Кости, против ожидания, были темными и тусклыми. Кое-где на них еще оставалась плоть. А на большинстве черепов — свалявшиеся волосы. Хоппер опустилась на колени и осветила самый маленький трупик. Луч фонаря пробежал вниз по рукам, переместился на ветхую ткань вокруг тельца и вернулся к черепу. Зубы еще молочные. Рядом на полу валялся амулет: грубая металлическая спираль на тесемке.

Минуту спустя рядом с ней оказался напарник — ему повезло наткнуться на запас невскрытых консервов, и их следовало забрать. Они сложили банки в синий джутовый мешок и направились к лестнице. Военный полез наверх, а Хоппер вдруг метнулась назад к маленькому тельцу и подхватила с пола амулет.

Затем все шестеро спустились в моторку. Один из мужчин, прилепив к борту баркаса чуть пониже ватерлинии комок эластичной взрывчатки, воткнул

в него короткий запал и сорвал с его кончика защитную полоску, когда двигатель лодки заурчал. Запал зашипел и задымился, к поверхности устремились пузырьки газа.

Минуты через две после их отплытия запал догорел, и глухой стук ознаменовал появление в корпусе судна пробоины. Еще через пять минут посудина заметно осела. А через десять и вовсе исчезла под водой.

Из всех пассажиров моторки Хоппер единственная обернулась понаблюдать за погружением. Почти над самой линией океанского горизонта висело бледное солнце, как и в любое время суток на этой широте.

2

«Ракета» набирала ход. Маленькая, да удаленькая, использовалась она для ремонтных работ, обучения персонала, буксировки — в общем, для всего. Вот только заполнить ее в свое распоряжение, за исключением случаев острой необходимости, можно было не всегда. Когда права на моторку заявлял Швиммер с подчиненными, она, как правило, стояла на дежурстве до отбоя айсберговой тревоги.

Этим утром сигнал прозвучал в 5:07. Тягучее завывание раздавалось мучительно громко и долго, чтобы гарантированно любого лишить желания нежиться в постели. От этого звука Хоппер каждый раз просыпалась, словно от ушата холодной воды, даже после трех лет пребывания на океанской платформе. Впрочем, Элен повезло больше других — как научному сотруднику ей полагалась отдельная каюта, а рядовые ютились вчетвером в кубрике.

Моторка почти набрала полную скорость. Хоппер огляделась. Харв сидел на корме: длинные волосы развевались на ветру, рука крепко сжимала руль. Он поймал ее взгляд и подмигнул. Тогда, на корабле, Харв, в отличие от нее, был само спокойствие. При виде полуразложившихся трупов она готова была сбежать, чуть не бросилась назад на палубу из ледяного провонявшего трюма. И лишь присутствие

Харва, такого уверенного и хладнокровного, удержало ее на месте. Впрочем, противогаз тоже внес свою лепту. Однако в горле до сих пор ощущался привкус желчи. Ее мать могла оказаться на такой же посудине.

Харв, понятное дело, к мертвецам привык побольше нее, хотя Хоппер сомневалась, что за последнее время покойники попадались даже ему. За три года ее пребывания на платформе не погиб ни один военный, не считая несчастного случая с Драксом да той двадцатилетней дурочки, Ламберт, которой хватило мозгов выбраться на палубу в шторм, — естественно, ее смыло за борт. Едва волнение улеглось, команда отправилась на ее поиски и по нарастающей описывала круги вокруг платформы, пока Швиммер не решил, что бензина потрачено более чем достаточно. Через неделю обнаружился берет девушки, невероятным образом зацепившийся за металлическую ограду у самой воды.

Это утро выдалось морозным. Каждый раз, когда Харв увеличивал скорость, всех обдавало холодом. Хоппер оглядела бледных хмурых военных, занявших места на скамейках по обеим сторонам узкого прохода. Перегнувшийся через низкий оранжевый борт моторки Лисон выглядел совсем паршиво.

Ему было всего девятнадцать. На платформе парень, ненавидевший каждую минуту своего здесь пребывания, прослужил всего несколько месяцев. А ведь ему повезло, поймала себя на мысли Хоппер, мог получить распределение в Житницу, или ему довелось бы патрулировать шотландский Хайленд, или устраивать облавы на болотах Кента. Здесь, по крайней мере, гарантировано трехразовое питание и никаких тебе боевых стычек. Лисон даже не осознавал